

он вносит личную страсть первооткрывателя, увлеченность поставленной им темой, тонкое понимание и ощущение художественного своеобразия тех произведений, о которых говорит.

Очень жаль, что широкий замысел цикла монографий по истории русского реализма ему не удалось завершить.

Н. СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ СКАЗКИ*

Читатель, открыв эту книгу, скучать не будет. Он найдет в ней прежде всего несколько десятков сказок, нередко смешных, не лишенных сатирической остроты, рассказанных подчас с большим мастерством, а рядом со сказками — образцы других фольклорных жанров (бывальщины, частушки, легенды) и рассказы, не ставшие (по мнению составителей — еще не ставшие) фольклором.

Правда, тот, кто внимательно следит за сказочной литературой (а специалист — тем более), легко обнаружит: многие и притом лучшие тексты в рецензируемой книге — не новость, они уже ранее публиковались в сборниках Д. Молдавского, притом иногда в более полном и законченном виде. Читатель не раз посетует на то, что ряд сюжетов в книге бегло пересказан или приведен отрывочно. Однако же, нельзя и не радоваться тому, что большая половина текстов видит свет впервые и что среди публикуемых сказок немало по-настоящему художественных. Стоит также отметить остроумные, подчас озорные и очень хорошо гармонирующие с содержанием иллюстрации, выполненные тем же Д. Молдавским.

Интересы специалистов в какой-то степени учтены в примечаниях, составленных В. Бахтиным: они помогают ориентироваться в пестром составе книги, и по ним легко навести необходимые справки.

Рецензируемая книга, однако, не антология сказок, у нее более широкие и специфические задачи.

Д. Молдавский своей книгой вступает в горячий спор с теми, кто — одни по незнанию, другие по убеждению — полагает, что сказка в наш век ушла из жизни, что она больше не нужна, что она принадлежит прошлому. Сказка и современность — вот внутренняя тема книги. Автор не собирается вести со скептиками теоретического спора: заметно, что вообще к теории и к теоретикам (за некоторыми исключениями) фольклора он относится с откровенной иронией и несколько кокетничает позицией «практика». Впрочем, как мы убедимся, у него есть своя теория и свои принципы. Однако основную тему книги Д. Молдавский, действительно, решает прежде всего «практически»: он предлагает читателю совершить вместе с ним путешествие «за сказками», чтобы непосредственно, на месте, так сказать в полевых условиях, получить желаемый ответ. Таким образом, замысел книги и его осуществление с самого начала ограничены личным опытом автора, однако этого недостаточно,

* «Господин леший, господин барин и мы с мужиком». Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Вахтиным и Дм. Молдавским, «Наука», М.—Л. 1965, 357 стр.

чтобы делать далеко идущие выводы. Отсюда неизбежные противоречия и просчеты в этой интересной книге. Другая особенность книги, определившая опять-таки ее достоинства и недостатки, — избранная автором беллетристическая манера изложения.

В книге четыре части и как бы четыре сюжета. В первой части автор рассказывает об экспедициях за сказками, в которых он принимал участие. Живой, непритязательный рассказ о странствиях собирателей по новгородской и псковской землям в первые послевоенные годы, характеристики и портреты сказочников, наблюдения над жизнью сказки в советской деревне — все это воспринимается как достоверное, документально подтверждаемое свидетельство вдумчивого собирателя. Форма изложения в данном случае — дело вкуса. Автор полагает, видимо, что таким образом ему легче не просто убедить, но и заинтересовать, увлечь читателя-неспециалиста.

Говоря общо, есть два способа достижения такой цели. Один основывается на убеждении, что научное исследование интересно и увлекательно само по себе, оно не требует упрощений и надо лишь найти соответствующую форму популяризации. Другой основан на вере, что научная истина сама по себе суха, материал, добываемый традиционными научными методами, недостаточно эффектен: его необходимо обогатить и украсить. Вопрос о формах и границах популяризации имеет прямое отношение к рецензируемой книге, на титуле которой стоит гриф: «Академия наук СССР. Научно-популярная серия».

Если в первой части автор выступает как популяризатор — и, в общем, талантливый — серьезных (вызывающих живую дискуссию в

наше время) проблем, то в остальных частях он скорее беллетрист, иллюстрирующий своими рассказами и зарисовками тезисы о жизненной силе сказок и о непрекращающемся народном словесном творчестве. Эти части тоже автобиографичны, но по-иному: Д. Молдавский вспоминает о месяцах ленинградской блокады, о теплушке, увозившей его в тыл, о странствиях по Средней Азии и Грузии, о встречах и беседах с писателями. Иные эпизоды удачно дополняют первую — главную часть книги, в других попадают интересные тексты. Одно из лучших и по-настоящему волнующих мест книги — рассказ о ленинском броневике, участвовавшем в обороне Ленинграда. Ради него, собственно, оправдано включение в книгу отрывка «О блокаде», все остальное в этом отрывке имеет к ее содержанию косвенное отношение.

Достоверность приводимого в этих частях материала относительна, рассказы о фольклоре сюжетно организованы, и потому воспринимаются не столько как надежные свидетельства, сколько как более или менее удачные художественные иллюстрации. Фольклорный материал, вводимый здесь автором, не только не всегда документирован, но и подчас достаточно условен. Отдельные главки и эпизоды кажутся необязательными, искусственно привязанными к теме. Автор многословен и излишне многозначителен там, где фактические основания для обобщений минимальны («Липоване», «На Волге»). Все это следствие одного, уже отмеченного выше, заблуждения. Популяризация науки предполагает соблюдение (только в ином качестве) основных требований науки по отношению к материалу, к методу, к проблематике, равно как и со-

общение определенного (достаточно большого) объема информации. Многое в книге Д. Молдавского, интересное само по себе, просто не имеет отношения к теме.

Как же отвечает автор на теоретические вопросы, неизбежно перед ним возникающие? Отдельные его принципиальные положения заслуживают поддержки. Справедливо и — что очень важно — доказательно убеждает нас Д. Молдавский в том, что старая сказка ценна не модификациями, не внешними приметам «нового», а основным своим традиционным содержанием, своими «неизменными» качествами: человечностью, симпатией к обездоленным и презрением к имущим, фантастикой, богатством языка. Вызывает сочувствие решительный отказ автора считать современным фольклором различные вымученные сочинения сказителей (или их «консультантов»). Однако же, Д. Молдавский не может не знать, что рядом с такими творениями существовали (и появляются иногда и сейчас) отнюдь не фальсифицированные опыты нового творчества на базе традиции. И даже сказки! Как к ним относиться — не ясно.

Неоднократно Д. Молдавский говорит о современном творчестве. Его проявления он видит в импровизированных частушках, лирико-героических, юмористических, в героических легендах типа «Ленинского броневика», в раешниках партизана деда Романа, в подслушанном на волжском пароходе рассказе о том, как Москва дала воду, чтобы снять с мели баржу, и т. д. Автор умеет слышать сегодняшнюю живую речь и находить в ней крупницы художественных обобщений. Но не все здесь бесспорно. Остается неразъясненным существенный вопрос о критериях

фольклорности. Фольклор, в том числе и современный, не есть нечто художественно аморфное, зыбкое, неопределимое. Он обладает своими эстетическими признаками, которые нами еще до конца не познаны, своей жанровой структурой. Автор, однако, предпочитает держаться сравнительно распространенной точки зрения: явления и факты, о которых можно с уверенностью сказать, что они никогда не станут фольклорными, он готов рассматривать по разряду фольклора только потому, что они представляют общественный интерес и в них обнаруживаются художественные элементы («Гдовская новь»). Принцип: фольклорист-собираетелъ должен захватывать как можно шире, — еще не избавляет этого фольклориста от необходимости осмысливать явления в их сегодняшнем значении и в их перспективе. Писатель Молдавский вправе искать в живой народной речи зерна искусства, не особенно задумываясь над их генезисом. Фольклорист Молдавский не может не думать о дифференциации пестрого материала народной речи. Когда по поводу одного рассказа автор сочувственно цитирует слова П. Бажова о рождающемся в наше время новом эпосе, это никак не отменяет необходимости научного исследования проблемы и отнюдь не делает ее яснее. Между тем вопрос слишком серьезен, чтобы решать его походя, с помощью красного словца.

Д. Молдавский написал живую и веселую книгу. Однако при чтении ее не всегда возникают веселые мысли. И здесь упрек уже издательству «Наука». Необходимость в научно-популярной книге о современной жизни сказки, о сегодняшних процессах в народном творчестве очевидна. Д. Молдавский мог бы

написать такую книгу — увлекательную, живую и вместе с тем на уровне современной науки, — для этого оставалось сделать не так уж много. Издательство, однако, соблазнилось чисто внешними приметами популяр-

ности и занимательности. В итоге получилась книга, свободная не только от научного балласта, но в некоторых местах и от необходимого научного багажа.

Б. ПУТИЛОВ

г. Ленинград

ЧЕТЫРЕ КНИГИ О КАРЕЛЕ ЧАПЕКЕ

За последние несколько лет Карел Чапек стал одним из любимых литературоведческих «героев». После книги Ивана Климмы¹ одна за другой выходят монографии Галины Янашек-Иваничковой, Уильяма Е. Харкинса, Йозефа Бранжовского и Александра Матушки². За эти же годы было осуществлено научное издание корреспонденции молодых братьев Чапек³, вышли интересные воспоминания Хелены Чапковой⁴ и Франтишека Лангера⁵, появилось много ценных статей. О роли братьев Чапек в «рождении» чешской «модерны» немало сказано в книге Эвы Штросовой⁶. В сентябре 1965 года в Марианских Лазнях состоялся международный симпозиум о Чапек (см. «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 270—275, сообщение С. Никольского).

¹ Ivan Klíma, Karel Čapek, Praha, 1962. См. рецензию И. Бернштейн «Талантливая книга о Чапек», «Вопросы литературы», 1963, № 3.

² Halina Janáček-Ivaníčková, Karol Čapek czyli dramát humanisty, Warszawa, 1962; William E. Harkins, Karel Čapek, New York and London, 1962; Josef Branžovský, Karel Čapek, Světový názor a umění, Praha, 1963; Alexander Matuška, Človek proti skaze. Pokus o Karla Čapka, Bratislava, 1963.

³ Victor Dyk, St. K. Neumann, Bratři Čapkové. Korespondence z let 1905—1918, Praha, 1962.

⁴ Helena Čapková, Mojí milí bratři, Praha, 1962.

⁵ František Langer, Byli a bylo, Praha, 1963.

⁶ Eva Štrohsová, Zrození moderny, Praha, 1963.

Гораздо обстоятельнее, чем это было до сих пор, освещается биография писателя, хотя полной и подлинно научной биографии Чапека, основанной на документальных данных, все еще нет. М. Галик, собравший богатейшие материалы, к сожалению, публикует их крайне скупо. Исследователи опираются в основном на автобиографические высказывания самого Чапека и воспоминания его современников. Интересно дополняют книгу А. ван Санта, который впервые обратился к этой теме¹, У.-Е. Харкинс и особенно Г. Янашек-Иваничкова. Вместе с тем уже в самом отношении к материалу обнаруживаются различия в методологии авторов.

В книге У.-Е. Харкинса, где изложение биографии Чапека составляет отдельную главу, многозначительно озаглавленную «Обыкновенная жизнь?», факты лишь регистрируются и констатируются, но не раскрываются в их внутреннем драматизме и их общественной значимости. Из повествования как бы «выкачана» атмосфера времени. Судьба писателя рассматривается изолированно от социальной действительности, от общественной и литературной борьбы. Внешне американский ученый как будто стремится к полной объектив-

¹ A. van Santen (Jan Molitor), Over Karel Čapek, Amsterdam, 1949.